

1. Синтаксис

Г.Ф. БЛАГОВА

О ВЫРАЖЕНИИ ПОДЧИНЕНИЯ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА И ЧАГАТАЙСКОГО ЯЗЫКА (РУБЕЖ XV-XVI вв.)

1. Проблема сложного предложения (1956), формальные и семантические подходы к изучению сложных и осложненных конструкций тюркских языков (1986) были предметом оживленных дискуссий не одно десятилетие [1. С. 96–98]. В 1976 г. вышла в свет вторая часть “Исследований по синтаксису якутского языка” Е.И. Убрятовой, обе книги которой были посвящены сложному предложению [2]; в дарственной надписи Елизавета Ивановна намекала на долгий и трудный путь своей работы к опубликованию (“...свое многострадальное детище шлет автор”). Обеим частям “Исследований...” [3] свойственны обстоятельность и всесторонность анализа собранного автором богатейшего материала. Наше внимание привлекли те аспекты в анализе выражения подчинения в якутском сложном предложении, которые особенно детально разработаны Е.И. Убрятовой (изложение ведется в терминах, применявшихся Елизаветой Ивановной). Интерес к этим аспектам исследования вызван тем, что ряд наблюдений Е.И. Убрятовой над якутским синтаксисом и ее выводов в известной мере поддерживается и некоторыми нашими наблюдениями над синтаксисом языка “Бабур-Наме” (рубеж XV-XVI вв.), о чем ниже, п. 3.

Система выражения подчинения зависимого сказуемого морфологическими средствами, по мысли Елизаветы Ивановны, включает в себя надежные показатели [2. С. 100, 102–165], целый ряд послелогов (отглагольных, отыменных, а также “неизвестного происхождения”) [2. С. 166–197] и, кроме того, некоторые словообразовательные аффиксы [2. С. 197–209].

Мысль Е.И. Убрятовой о таком применении аффиксов словообразования поддерживается и ранее отмеченным ею фактом: словообразовательный аффикс *-лаах* используется в качестве “оформителя” сочетания однородных членов предложения [3. С. 71–73].

Рассматривая один из способов выражения подчинения в сложном предложении – при помощи падежных аффиксов, участвующих в формировании зависимой предикативной единицы, – Елизавета Ивановна четко разграничивает случаи, когда, с одной стороны, причастия в функции сказуемых зависимых предложений получают падежные аффиксы, а с другой – склонение причастий как заместителей имени существительного. В первом случае падежный аффикс при причастиях “выражает синтаксические отношения зависимого предложения и потому падежный аффикс выражает значения, лишь частично совпадающие со значением этого же аффикса при имени существительном, а во многих случаях и совсем особые значения, не свойственные именам существительным” [2. С. 103–104]. К тому же имеется целый ряд ограничений в использовании для этих целей аффиксов ряда якутских падежей; те же особенности использования падежных аффиксов распространяются и на имена наличия (*баар*) и отрицания (*суох*), а также на прилагательные, когда те и другие выступают в функции сказуемых зависимых предложений. При склонении же причастий как заместителей существительного таких парадигматических ограничений нет, как нет тех специфических отклонений в их падежной семантике.

Е.И. Убрятова развивала мысли об особом характере использования словоизменяемых и словообразовательных аффиксов, а также послелогов в сказуемых зависимых предложениях на конкретном материале современного якутского языка, подкрепляя свои выводы специальными таблицами: “Употребление падежных форм в различных частях речи” [2. С. 136], “Употребление послелогов с частичным управлением в простом и сложном предложениях” [2. С. 195–196].

2. Нельзя сказать, чтобы в кругу рассматриваемых проблем у Е.И. Убрятовой вовсе не было бы предшественников. В частности, об этом говорит хотя бы название статьи Н.И. Фельдман, на которую ссылается Елизавета Ивановна [2. Прим. 26 к с. 137], – “О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке” (“Ученые записки ИВ АН СССР”. М., 1952). Предшественники имеются и в тюркологии, к сожалению, только статьи их были опубликованы в ведомственных изданиях и потому не стали достоянием широкой научной общественности. Имеются в виду статьи А.П. Поцелуевского “К вопросу о зависимых номинальных предложениях в туркменском языке” (“Труды Ашхабадского гос. пед. института им. А.М. Горького”. Вып. 2. Ашхабад, 1947) [4] и В.М. Насилова “Аффиксы включения” (“Вопросы

языка и литературы стран Востока” (“Ученые записки кафедр иностр. языков Восточного фак-та (ИМО)”. Вып. 1. М., 1958) [5].

Касаясь вопроса о том, как оформляется зависимый член сложно-подчиненного предложения в туркменском языке, А.П. Поцелуевский, в частности, писал: “Если номинальное предложение простого предикативного строя выполняет функцию прямого или косвенного дополнения, оно принимает соответствующий падежный показатель, который формально должен стоять при последнем члене зависимого предложения. Так, например, номинальное предложение *Агзы ёк* (‘у нее нет отверстия’, досл. ‘рта’), выступая в качестве прямого дополнения, принимает окончание вин. падежа *-ы*: *Өңимезден үч саны чукур чыкды – икиси дүйспүз, бириниң агзы хем ёк. (Агзы ёг)ы газдык* ‘Нам попались три ямы – две без дна, а у одной нет отверстия. Мы вырыли (ту, у которой нет отверстия)’” [4. С. 287] – как видим, падежный показатель вынесен за скобки, которыми подчеркивается, что он присоединяется к зависимому предложению в целом. Точно так же решался А.П. Поцелуевским вопрос о причастиях в функции сказуемого зависимого предложения – такие предложения, “будучи взяты в качестве прямого дополнения к глаголу главного предложения, имеют при себе показатель вин. падежа...” [4. С. 288]. Таким образом, мысль о склонении зависимых предложений, номинальных и “посессивных” (причастных), в туркменском языке была сформулирована А.П. Поцелуевским за 5 лет до публикации названной статьи Н.И. Фельдмана на ту же тему.

В.М. Насилов сосредоточил внимание на “удивительной подвижности грамматического строя тюркских языков, при которой одна и та же грамматическая категория способна нести различные синтаксические функции, а словообразующие аффиксы приобретают факультативное значение” [5. С. 87]. Аффиксы, которые определяют “грамматическую форму слова и в то же время назначение слова в синтаксической связи с другими компонентами словосочетания, независимо от того, являются ли они аффиксами словоизменения или словообразования”, ученый называет “аффиксами включения” [Там же]. Таковыми он считал аффиксы падежей, аффиксы *=ча//=чэ*, *=дэк* и другие в композиции сложноподчиненного предложения. “Здесь мы сталкиваемся с тем, – продолжал В.М. Насилов, – что предикативные компоненты подчиненных предложений только по своей видимости являются склоняемыми, на самом же деле в такой грамматической форме они представляют собой иное лексико-грамматическое явление. Это не что иное, как глагол, включенный в предикативную систему сложного предложения не путем аффиксов

сказуемости, а путем аффиксов включения. Поэтому здесь совершенно нецелесообразно говорить о категории склонения, подлинная грамматическая сущность которой находит свое выражение в круге субстантивных имен” [5. С. 97].

3. В свете изложенных выше воззрений Е.И. Убрятовой на способы выражения подчинения в сложном предложении якутского языка могут найти истолкование некоторые синтаксические “странности” в языке памятника чагатайского литературного языка рубежа XV-XVI вв. “Бабур-Наме”. Так, синтаксические отношения зависимого предложения к главному выражаются в языке этого памятника посредством послелога *üčün* (реже служебного имени *žihätidin*) ‘для, ради’, ‘из-за’, и при этом сказуемое зависимого предложения передается здесь не единожды прилагательным без какой-то аффиксальной “прокладки”. Примеры:

Atlar semiz üčün bir nečä at qaldy БН478, ВН3696 ‘Из-за того, что кони [у нас] жирные, несколько коней отстало’; *Sajya jawuq üčün saj tašlarydyn uluq uluq qazan dek tašlar qurjana čyqaryb edilar* БН83, ВН67а ‘Так как [крепость] близко к саю, в крепость вывезли из [числа] находившихся в сае камней камни [величиной] с большой-пребольшой казан’; *Üčmaqta a žiz üčün žaňaldin čyqmas* БН364, ВН281а ‘[Лесная птица] из-за того, что слаба в летании, из леса не выходит’; *kiši az üčün...* БН136 ‘из-за того, что [у него] мало людей,...’; *Qar uluq žihätidin taň atqunča at üstida oq edilar* БН83, ВН67а ‘Из-за того, что снег был большой (т.е. глубокий), пока не рассвело, они были прямо на конях’; *Jolda sujnyň azy wä ysuyunyň köpi žihätidin...* БН421, ВН325b ‘Из-за того, что в дороге было мало воды и много жары...’.

Ср. якутские примеры использования послелога *uhin* ‘ради’ для тех же целей, при том, что зависимые сказуемые могут быть выражены афигированными именными формами [2. С. 191, 192].

Другой способ выражения подчинения зависимого предложения главному посредством падежного аффикса, на который указывала Е.И. Убрятова, также представлен в “Бабур-Наме” при зависимом сказуемом-имени наличия *bar* или наречиях количественных:

Bil barymny munda bilib kelib tu dur ja bilmaj tu dur БН143 ‘Узнай: он пришел, проведая, что я нахожусь здесь, или же он не знает?’; *Üstümagi qar barny silkib...* БН246 ‘Стряхнув снег, который находился на мне...’; *Jaŷnyň köpini azyňy bilmaj...* ВН104b ‘Не зная, много [ли], мало [ли] врагов...’.

Как видим, в функции подчиняемого именного сказуемого в “Бабур-Наме” достаточно широко использовались не только имя нали-

чия *bar*, но также прилагательные, количественные наречия, не требуя при этом каких-либо аффиксальных “прокладок”. В плане отсутствия таковых примечательно использование прилагательного *kičik* с аффиксом исходного падежа в простом предложении: *Mäŋa kičiktin xizmət qylyb edi* БН50, BN40b ‘Он служил мне сызмала’. В.М. Насилов отметил еще одно необычное употребление кичиг в малой надписи памятника Кюль-Тегину: *Талуйқа кичиг тэгмэдим* ‘Я немного не дошел до моря’, *Тупуткэ кичиг тэгмэдим* ‘Я немного не дошел до Тибета’.

В якутском языке сочетания однородных членов предложения-имен организуются с помощью словообразовательного аффикса *-лаах*; в языке “Бабур-Наме” словообразовательный аффикс *-луq* получает каждый однородный член такого сочетания. Тем не менее и на словосочетания с такой усложненной связью распространяются все те характеристики, которые сформулировала Е.И. Убрятова для якутского словосочетания: “слова, вошедшие в сочетание однородных членов, оформленных аффиксом *-лаах*, оказываются настолько тесно связанными между собой, что они как члены словосочетания теряют всякую самостоятельность и имеют общие для обоих членов словосочетания определения, словоизменительные аффиксы и служебные слова, выражающие отношение всего словосочетания в целом к другим словам предложения” [3. С. 71]. См. примеры:

Bu atalyq oŷulluqtyn ol muddäta ȳäläbä horlyq tartyldy БН92, BN75a ‘От этих отца с сыном в тот период много унижений [я] перенес’; *Bu käjfiätni analyq* (БН444: *atalyq*) *oŷulluqqa häm izhar qylyb tur* БН444, BN343a ‘И матери с сыном он объяснил это обстоятельство’.

Заметим, что в “Бабур-Наме” этот способ сочетания однородных членов предложения имеет существенные ограничения: с помощью повторенного аффикса *-луq* соединяются только термины родства, обозначающие к тому же самых близких кровных родственников: отца и сына, мать и сына. Описанная Е.И. Убрятовой в якутском языке система выражения подчиненного зависимого предложения в сложном предложении, как это можно заключить из рассмотренного нами материала, корнями своими уходит в древность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поцелуевский Е.А. Дискуссия: “Формальные и семантические подходы к изучению сложных и осложненных конструкций тюркских языков” / Благова Г.Ф., Поцелуевский Е.А. Двенадцатое пленарное заседание Советского комитета тюркологов // СТ. 1986, №3.

2. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. 1, 2. Новосибирск, 1976 (далее в тексте ссылки даются только на книгу 1).

3. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. I. Простое предложение. М.-Л., 1950.

4. Ниже в тексте цитируется по позднему переизданию: *Поцелуевский А.П.* Избранные труды. Ашхабад, 1975.

5. Ниже в тексте цитируется по позднему переизданию: *Насилов В.М.* Аффиксы включения // СТ. 1985, №3.